

Ким Игорь Константинович, канд. ист. наук, доцент

Кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
kokes@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА ЮЖНОЙ КОРЕИ В ЗЕРКАЛЕ ОТЧЁТОВ ПОЛЬСКИХ ДИПЛОМАТОВ В 1950-Е ГОДЫ

Аннотация. *Статья посвящена характеристике культурной сферы Южной Кореи в 1950-е годы. Показывается низкий уровень этой сферы, обусловленный последствиями войны. Источниками стали документы польского посольства в КНДР, что обусловило негативное содержание и подбор материала. В отчётах раскрывается, прежде всего, состояние грамотности, школьного и высшего образования в Республике Корея.*

Ключевые слова и фразы: *история Кореи, Южная Корея, Республика Корея, культура Кореи, образование в Корею.*

Kim Igor Konstantinovich, PhD (History), Associate Professor

Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies

Volgograd State Socio-Pedagogical University
kokes@mail.ru

THE CULTURAL SPHERE OF SOUTH KOREA IN THE MIRROR OF THE REPORTS OF POLISH DIPLOMATS IN THE 1950S

Abstract. *The article is devoted to the description of the cultural sphere of South Korea in the 1950s. It present the low level of this sphere, conditioned by the consequences of the war. Sources were the documents of the Polish Embassy in the DPRK, which led to a negative content and selection of material. The reports reveal, first of all, the state of literacy, school and higher education in Republic of Korea.*

Key words and phases: *history of Korea, South Korea, Republic of Korea, Korean culture, education in Korea.*

С середины 1953 года после подписания перемирия в кровопролитной войне на Корейском полуострове начался постепенный переход от состояния войны к миру. Среди важнейших задач, стоявших перед властями двух частей Кореи, было преодоление огромного ущерба от военных действий. Одной из сфер, которая нуждалась в срочном восстановлении, являлась сфера культуры. Среди специфических, пока не введённых в широкий научный оборот источников, позволяющих раскрыть эту проблематику, мы располагаем

отчётами дипломатов Польской Народной Республики в Пхеньяне в 1950-е годы. В них подробно сообщается о ситуации в культурной сфере в КНДР. Состояние просвещения в Северной в Корее в 1950-е годы на основе анализа этих документов было представлено автором ранее в опубликованной статье [2]. В документах польских дипломатов имеется также обширный материал по другим сюжетам культурного развития КНДР (науки, кино, театра, художественной самодеятельности, распространению культуры в деревне, культурному сотрудничеству с другими социалистическими странами и так далее).

В польских дипломатических документах содержатся также некоторые, значительно меньшие по объёму сведения о состоянии культурной сферы в Южной Корее. Эти сведения весьма специфичны, что обусловлено политическими и идеологическими причинами. Из-за отсутствия дипломатических отношений ПНР с Республикой Корея (как принадлежавших тогда к враждебным блокам двух сверхдержав, находившихся в состоянии холодной войны) польских дипломатов не было в Южной Корее. Это обстоятельство обусловило вторичность их информации, не опирающейся на непосредственные наблюдения, её основными источниками были южнокорейские агентства и пресса («Тоньян», «Чаптон», «Чосонильбо»), северокорейские агентство ЦТАК, а также МИД и другие государственные органы КНДР. Для польских дипломатических документов характерен односторонний и идеологически обусловленный изначально негативный подход к представлению ситуации в Южной Корее, в частности, концентрация внимания на отрицательных явлениях в культурной сфере там, противопоставление им достижений в этой сфере в КНДР.

С середины 1953 года до середины 1955 года краткие данные о ситуации в Южной Корее появлялись в отчётах польских дипломатов лишь время от времени. Со второй половины 1955 года в отчётах постоянно присутствовал многостраничный раздел о положении в Южной Корее: состоянии её промышленности, сельского хозяйства, торговли и финансов, военных приготовлениях, положении населения, культуре и просвещении. Это свидетельствовало о возрастании интереса польской дипломатии, властей ПНР к развитию ситуации на юге Корейского полуострова. С 1953 по 1956 годы в отчётах польских дипломатов содержится и информация о состоянии сферы культуры в Республике Корея. В этот период отчёты составлялись нерегулярно: с середины 1953 до середины 1956 года – каждые один-два месяца, во второй половине 1956 года был подготовлен лишь один отчёт. После 1956 года культурная проблематика по Южной Корее практически исчезает из сообщений польских дипломатов, вытесняемая информацией об экономике и бурном развитии там политических событий на рубеже 1950–1960-х годов. Все отчёты имеют гриф «Секретно» и их большинство были подписаны послом Е. Седлецким (с ноября 1954 года), отдельные – поверенными в делах Э. Цереквицким (ноябрь 1953 года) и Х. Бжезиньским (первая половина 1956 года).

Общая тональность характеристик сферы культуры в Южной Корее отрицательная, акцент делался на тяжёлое её состояние. Объяснение этому давалось в данных о финансировании культуры, прежде всего просвещения. В частности, в отчёте за ноябрь 1953 года сообщалось: «Лисынмановский режим вводит большую экономию в бюджете государства также ценой расходов на просвещение. Показательным выражением этого является лишение работы около 2 тысячи учителей, а также ассигнование из запланированной в государственном бюджете на просвещение суммы 258.000.000 вон лишь 11.500.000 вон» [1. Ф. 11. Оп. 23. Д. 445. Л. 170]. Эта же тенденция прослеживалась и в принятом парламентом на 1955/56 финансовый год бюджете Южной Кореи. Со ссылкой на агентство «Чаптон» сообщалось: «Военные расходы и на содержание полиции достигают 89 миллиарда хван, что составляет 65,4% всего бюджета», из общей суммы расходов 135,9 млрд хван. На долю министерства просвещения в бюджете было выделено 16,4 млрд хван, что было сопоставимо с расходами МВД (19,4 млрд хван), но было значительно меньше расходов министерства обороны (69,6 млрд хван). По объёму выделенных средств министерство просвещения находилось на третьем месте, что несколько диссонирует с утверждением отчётов о совершенно недостаточном объёме финансирования просвещения и культуры в целом [1. Ф. 12. Оп. 18. Д. 414. Л. 67-68].

Ноябрьский отчёт 1953 года польских дипломатов, характеризуя в неприглядном свете состояние культуры на юге Кореи, ссылается на данные южнокорейского министерства просвещения о количестве неграмотных в стране, называя их при этом сфальсифицированными. Согласно данным министерства из 13,9 млн человек населения Южной Кореи 2,8 млн человек были неграмотными, в том числе в возрасте 12–16 лет 325 тыс., 17–43 лет – 1,4 млн, а старше 44 лет – 1,2 млн. В отчёте утверждалось, что «тысячи молодых школьного возраста лишены обучения», поскольку «школы нужны лисынмановскому режиму и американским оккупантам для казарм». Добавлялось к этому, что вместо этого «американские представители «расы господ» отравляют корейскую молодёжь в Южной Корее литературой порнографической, а также восхваляющей убийства и насилие» и здесь «уже заметны плоды американской культуры», в частности рост преступности среди молодёжи [1. Ф. 11. Оп. 23. Д. 445. Л. 169-170]. Спустя два года по сообщениям ЦТАК от декабря 1955 года положение с грамотностью только ухудшилось, поскольку неграмотных в Южной Корее стало около 3,4 млн человек, а «следующие 3 миллиона прошедших обучение на двух- или трёхмесячных зимних курсах считаются уже грамотными» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 247].

На тяжёлое состояние школьного образования в Южной Корее большое влияние оказали последствия войны. В отчёте за ноябрь 1953 года приводились следующие сведения об ущербе от войны: там до 1950 года в школах было около 47,5 тыс. классных помещений, полностью во время войны их было уничтожено 10,9 тыс., частично 12,1 тыс. (всего 48%). План же восстановления школ касался только 16,8 тыс. помещений. К трудностям восстановления

школьного образования отнесено и необеспечение условий для обучения в зимний период. Серьёзной проблемой стоял вопрос о плате за обучение в школах. Запрет Ли Сын Мана и соответствующее распоряжение министра просвещения не взимать дополнительную плату за обучение не помешали администрации школ и местным школьным властям ввести дополнительную оплату по 1500 хван ежемесячно на зимний период. Объяснялось это тем, что школьные власти на местах не видели другого выхода «перед лицом иссыхающих и постоянно сокращаемых бюджетных средств». Из-за широкого недовольства населения дополнительными денежными поборами за обучение в школах министерство выдало указание прекратить их, но «одновременно не предусматривается никаких средств для решения этой проблемы» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 208]. В отчёте 1955 года указывалось, что 8 видов оплат должны внести поступающие в средние школы, а плата за само их обучение достигает несколько десятков тысяч хван [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 247-248].

Другие отчёты польских дипломатов также регистрировали преимущественно негативные явления и трудности в школьном образовании. «Правительство в начале 1955 г. закрыло 85 школ, а в мае в рамках правительственной продажи «японского имущества» 150 школ перешло в частные руки», – говорилось в отчёте за ноябрь 1955 года. Закону о строительстве школ в Южной Корее, определяющем количество учеников и условия для классных помещений, по информации «Тоньян» не соответствовали многие школы, поскольку «40% строящихся школ не отвечают его требованиям» [1. Д. 12 Оп. 17. Д. 401. Л. 247-248].

В отчётах приводились отдельные факты трагического положения представителей сферы школьного образования в Южной Корее. Так в конце 1955 года передавалось сообщение ЦТАК со ссылкой на сеульскую газету, что «большинство учителей, чтобы жить, продают свою кровь» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 247]. Несколько месяцев спустя со ссылкой на агентство «Чаптон» польские дипломаты сообщали, что с июня 1956 года «распределяется продовольствие для 157.000 детей начальных школ, которые едят один раз в день», причём по данным министерства просвещения таких детей в стране 610 тыс. [1. Ф. 12. Оп. 18. Д. 414. Л. 173].

В середине 1950-х годов в Южной Корее отмечался дефицит учительских кадров. Причинами этого, как сообщают польские дипломаты, была низкая квалификация. Вероятно, это мог быть и предлог для устранения из школ идеологически неблагонадёжных, по мнению властей, учителей. Согласно южнокорейским средствам массовой информации, из школ было уволено «10.400 квалифицированных учителей, признанных неподходящими из-за обвинения в отсутствии квалификации» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 97]. «Правительство проводит решительную борьбу со всякими проявлениями свободной мысли и прогресса в школах (несмотря на недостаток 10400 учителей в школах), на волне этой кампании были удалены 2500 учителей под предлогом низкой квалификации. Министерство Внутренних Дел руководит и решает о школьных кадрах, удаляя всякие подозрительные личности» [1. Ф. 12.

Оп. 17. Д. 401. Л. 247-248], – приводились причины недостатка учительских кадров в школах в другом отчёте польских дипломатов. Идеологическими причинами объяснялся запрет министерства просвещения Южной Кореи «использовать в школе японскую музыку» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. С. 157].

Сложной, если полагаться на анализируемые документы, была ситуация в сфере высшего образования Южной Кореи. Для него был характерен недостаток вследствие увольнений преподавателей, платность обучения, контроль за студентами и стремление использовать их в качестве военнообязанных. В двух отчётах за 1955 год упоминаются административные решения относительно институтов и их преподавателей. В частности, в них сообщалось: «Закрыто три института, обвиняя их в нарушении распоряжений министерства. Работники отданы под суд» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 97]; «В 11 институтах удалён ряд учителей» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 247]. В тех же отчётах приводятся данные о стоимости обучения в вузах: при поступлении студент должен внести 8 видов официальных оплат на сумму 25-30 тыс. хван, а за право пользоваться научной литературой нужно заплатить ещё 20-30 тыс. [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 97-98].

Свидетельством селекции и контроля за поступающими в высшие учебные заведения служит сообщение о новом порядке отбора: сам результат экзамена становился недостаточным для поступления в них, поскольку «в целях соответствующего просеивания студентов, введён принцип, что о приёме в высшее учебное заведение решает экзамен и совокупность поведения и поступков в прошлом данного студента» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 247].

Для решения проблемы подготовки высококвалифицированных кадров правительство Южной Кореи, как сообщалось в отчёте 1955 года, «довольно значительное количество студентов отправляет на обучения в капиталистические государства. Из общего числа 3273 студентов, обучающихся за границей, 2395 получают образование в США, где очевидно подвергаются соответствующему обучению и политическому влиянию». При этом существовало обязательное условие для получения возможности обучаться за границей: по закону о призыве студентов в армию, каждый студент, направляющийся за границу на обучение, должен до этого пройти военную службу. В том же отчёте добавлялось, что для заканчивающих обучение введена всеобщая обязанность, которая «распространена также на учителей». [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 247-248]. Планы военного ведомства о всё большем охвате студенческой молодёжи воинской обязанностью вызывали определённое противодействие. Так весной 1956 года центральный комитет просвещения при министерстве просвещения «в ответ на предложение министра обороны об объявлении нового призыва в армию, который охватил бы 66% всех студентов, выступил против этого предложения и потребовал от правительства продолжения периода обучения студентов» [1. Ф. 12. Оп. 18. Д. 414. Л. 67].

В отчётах польских дипломатов почти полностью отсутствуют упоминания о других, кроме просвещения, сферах и объектах культуры, таких

как наука, кино, театр и прочие. Лишь в отчёте за ноябрь 1955 года польский посол доносил: «В Южной Корее существует 643 издательских фирм, которые в среднем издают по 2 книги ежегодно тиражом 2-5 тыс. штук. Эти фирмы не получают никаких правительственных субвенций, что при высокой цене бумаги часто ведёт к банкротствам этих фирм. Из изданных наименований доминируют тематики псевдофилософские (пропаганда буржуазного строя), очень же мало наименований, рассказывающих о промышленности или технике» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. С. 208].

Некоторое внимание в отчётах уделено использованию сферы культуры в идейно-политическом противостоянии Юга и Севера после подписания перемирия. В сообщении польского посла за вторую половину 1956 года говорится о действиях властей Южной Кореи по разжиганию антикоммунистических настроений, в рамках которых южнокорейская делегация участвовала в октябре того года в «съезде антикоммунистической молодёжи» (вместе с делегациями из Тайваня, Южного Вьетнама и Гонконга). Стимулирование же властями и националистических настроений позволили правительству «ввести в школах антикоммунистические и антияпонские предметы обучения», хотя в предыдущем году такие попытки встретились «с сильным отпором со стороны молодёжи» и тогда эти предметы не были введены [1. Ф. 12. Оп. 18. Д. 414. Л. 289-290].

В свою очередь власти Северной Кореи использовали в своих пропагандистских целях молодёжь, «родом из Южной Кореи и обучающуюся в средних школах и высших учебных заведений в КНДР». Весной 1955 года правительство КНДР предприняло «далеко идущие шаги, направленные на усиление опеки над этой молодёжью». В частности, более 1800 студентов и учеников, которые перешли из Южной Кореи в Северную «получают доплаты 80% к обычной государственной стипендии, кроме того, они получают бесплатную одежду, обувь и жильё в школьных общежитиях», им предоставляются самые лучшие условия обучения. В постановлении правительства КНДР говорится, что «в случае, если бы кто-то из этой молодёжи хотел бы вернуться обратно в Южную Корею, то он сможет это сделать в любой момент, причём со стороны Правительства КНДР ему будет оказана вся требующаяся помощь». О пропагандистском эффекте этих мер северокорейских властей свидетельствовала декларация митинга молодёжи из Южной Кореи в Пхеньяне в связи постановлением правительства, а также то, что она нашла «широкий отклик среди молодёжи Южной Кореи». Доказательством этого в отчёте назывался «возрастающий отпор молодёжи, особенно студенческой против призыва её на службу и военные учения, что проявляется в ряде акций до школьных забастовок включительно» [1. Ф. 12. Оп. 17. Д. 401. Л. 38-39].

В целом польские дипломатические документы показывают низкий базовый уровень культурной сферы в Республике Корея в 1950-е годы, что, прежде всего, объяснялось наследием войны. Представленное в отчётах состояние сферы культуры при всех поправках на неполноту материала и

тенденциозность его подбора демонстрирует отправную точку для последующего её развития. Это резко контрастирует с состоянием сферы культуры в последние десятилетия XX и начала XXI веков, ставшего основой для научно-технических и иных культурных достижений Южной Кореи.

Литература:

1. Архив Министерства иностранных дел Польской республики.
2. Ким И. К. Развитие просвещения в Корее в первой половине 1950-х годов: с военных на мирные рельсы (по документам польской дипломатии). – 2017. – № 5. – С. 4-10. URL: // <http://grani.vspu.ru/files/publics/1510313118.pdf>

УДК 316.022

Ким Ильгиза Анваровна, канд. соц. наук
независимый исследователь,
город Волгоград
ilgiza@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КОРЕ САРАМ В ЮЖНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (КОНЕЦ 1990 - НАЧАЛО 2000-Х ГГ.)

***Аннотация.** В статье кратко рассматривается деятельность первых постсоветских общественных организаций коре сарам, проживающих в регионах Юга России. Объединение в этнические общественные объединения и организации помогло корейцам из бывших советских центральноазиатских республик успешно интегрироваться в российское общество.*

***Ключевые слова и фразы:** коре сарам, южнороссийские регионы, иммиграция, общественные организации.*

Kim Ilgiza Anvarovna, candidate of social sciences
Independent researcher,
Volgograd
ilgiza@mail.ru

PUBLIC ORGANIZATIONS OF THE KORE SARAM IN THE SOUTH RUSSIAN REGIONS (LATE 1990 - EARLY 2000S)

***Abstract.** The article briefly examines the activities of the first post-Soviet public organizations of Koreans living in the regions of the South of Russia. The association in ethnic public associations and organizations helped Koreans from the former Soviet Central Asian republics successfully integrate into Russian society.*